

DOI 10.18522/2415-8852-2022-1-112-125

УДК 821.111

«КОСТЕР» ДЖОНА ПАТРИКА МАКХЬЮ: ТРАВМА ВЗРОСЛЕНИЯ

Данила Кисляк

студент Минского государственного лингвистического университета (Минск, Беларусь)¹

e-mail: ermant7799@gmail.com

Аннотация. Рубрика предлагает перевод на русский язык рассказ «Костер» ('Bonfire') из дебютного сборника рассказов современного ирландского писателя Джона Патрика Макхью «Чистое золото» ("Pure Gold", 2021), выполненный в рамках четвертого международного конкурса художественного перевода ART & CRAFT OF TRANSLATION (2022). В вводной заметке дается краткая справка о творчестве автора и проблематике его рассказов. Лауреат литературной премии за лучшее произведение в жанре рассказа Макхью признан критиками одним из самых заметных молодых авторов ирландской литературы. Отмечается использование писателем экспериментальных художественных форм для выражения сложного опыта столкновения подростка со смертью и взрослением.

Ключевые слова: Джон Патрик Макхью, «Чистое золото», современная ирландская литература, рассказ, травма взросления, перевод

¹ Победитель четвертого международного конкурса художественного перевода ART & CRAFT OF TRANSLATION (ноябрь 2021 – февраль 2022).

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемый ниже перевод представляет русскоязычному читателю рассказ «Костер» ('Bonfire') из дебютного сборника рассказов современного ирландского писателя Джона Патрика Макхью «Чистое золото» ("Pure Gold", 2021)¹.

Макхью – профессиональный филолог и писатель. Увлеченный поэзией Уолкотта и Бишоп, восторженный поклонник Джойса и О'Коннора, Макхью с блеском окончил курс креативного письма под руководством Майка Маккормака и затем оказался в стенах знаменитого Университета Восточной Англии. Именно там делали свои первые шаги в литературе Кадзуо Исигуро и Иэн Макьюэн.

Тридцатилетний Макхью достаточно известен как литератор, публикующийся в таких престижных изданиях, как *Stinging Fly*, *Granta*, *Winter Papers* и *The Guardian*. По признанию автора, «Костер» – первый удачный рассказ, написанный им еще в пору студенчества, а восемь текстов, включенных в сборник «Чистое золото», появились в печати только спустя восемь лет кропотливой работы и многочисленных отказов издательств.

Долгий путь увенчался успехом: сегодня лауреат литературной премии за лучшее произведение в жанре рассказа Макхью признан критиками одним из самых заметных молодых авторов ирландской литературы.

Его интерес к теме взросления, о которой Макхью пишет на страницах *The Guardian*², сочетается с поиском экспериментальных повествовательных форм, отнюдь не препятствующих сюжетной компрессии рассказа. Поразительная точность художественного языка Макхью, возможно, не только следствие психологической проницательности, но и сознательная работа с «музыкой», фоникой и ритмом прозы. Это также буквальная артикуляция, физическое проговаривание в слове того, что трудно осмыслить³. Звуковое и двигательное-тактильное предстают опорами онтологии художественного мира, выделяются молодым писателем как восхитившие его открытия Джойса. Примечательна практика чтения эпизода «Калипсо» из «Улисса» Джойса в манере декламации стихов в рамках проекта BBC⁴. Свой собственный рассказ Макхью также читает как стихотворение в прозе.

¹ Рассказ был великодушно предоставлен Джоном Патриком Макхью для перевода на русский язык в рамках конкурса художественного перевода. Редакция благодарит А.Г. Акопян за организацию Q&A сессии с автором. Выражаем признательность М.С. Рогачевской и А.А. Проволоцкому за помощь в подготовке перевода к печати.

² <https://www.theguardian.com/books/2021/jul/28/top-10-stories-about-bored-teenagers-john-patrick-mchugh-pure-gold>

³ В юности Макхью страдал дислексией.

⁴ <https://www.bbc.co.uk/sounds/play/m00141sr>

Действие «Костра» происходит на вымышленном острове, прообразом которого становится Ахилл, остров на западном побережье Ирландии, родина матери Макхью и памятное место его детских лет. Однако чувство ностальгии, пронизывающее рассказ, лишено сентиментальности. Глубокие эмоции, сопровождающие переход из поры детства во взрослую жизнь, – отчуждение, обида, чувство превосходства, брезгливость, гнев, одиночество, разочарование – переживаются не менее ярко, чем восторг от вседозволенности и чувство товарищества.

Рассказ примечателен композицией повествования, в которой сцены и события монтируются так, что читателю приходится самому восстанавливать печальную хронологию последнего лета детства героя. Так возникает понимание того, что перед нами воспоминание: оно спонтанно возникает картинками прошлого, в которых скрывается еще не до конца осознанная боль, в которых есть место чувству дружеской сопричастности и отвращению, растерянности и отчаянию. Воспоминание будто далеко и близко, оно, подобно костру, продолжает обжигать. Травма взросления вспоминается «узорами

из царапин, синяков и волдырей от ожогов на кистях рук». Точность передачи эмоциональных переживаний и телесных ощущений мальчика в рассказе феноменальна. Сложный опыт столкновения со смертью и взрослением будто противостоит неспособности о нем говорить. Можно ли испытывать то же острое чувство утраты, когда умирает мать и когда горюешь по любимому псу? Можно ли испытывать искреннюю товарищескую привязанность, но при этом стыдиться дружбы с «чмошником»? Рождается ли желание доминировать, делать больно другому из-за того, что сам ты чувствуешь боль? Или это – часть неизбежного опыта взросления? Скорбящие, тоскующие, черствые и крайне возбужденные мальчишки Макхью чувствуют дискомфорт взросления. Писатель удивительно реалистично показывает драму тотальной растерянности и желания действия. В этом отношении костер – это не столько символ утраты, конца детства, бунта, смерти (нет ли здесь отблесков ритуальных костров?), сколько поступок и завораживающее зрелище, не значащие ничего. Это чистое и острое переживание своего существования без иллюзий.

Джон Патрик Макхью

Костер

Тем летом мы жили огнем. Терри и я.

Мы встречались поутру, когда во рту еще было липко от овсянки, а небеса приоткрывали свою синеву. Рукава протертых вязаных пуловеров едва прикрывали узоры из царапин, синяков и волдырей от ожогов на кистях рук. Если находилась мелочь, мы скидывались на спички в газетном киоске Бретта. Но чаще ее не оказывалось, и мы воровали зажигалки из фургона отца Терри или шли к курилке на заднем дворе Клиники. А потом днями напролет колесили на великах и разжигали огонь, перекрикиваясь, сотрясали голосами Остров. Время потеряло для нас всякое значение. Дни не наскучивали нам, не превращались в тягучую рутину, но казались бесконечными, необъятными и живыми. И остановить нас могли лишь подкравшиеся сумерки.

На счастье, в день Костра на нашем пустыре было безветренно. На юге небо заливалось багрянцем, озаряя кромки пушистых облаков, отражающихся в зеркалах луж. Терри сидел на сырой после дождя земле, зажав между ног бутылку с жидкостью для розжига. Я присел сбоку и изображал невозмутимость, пока тот мучился с крышкой. С каждой неудачной попыткой лицо Терри искажалось все сильнее, на глазах выступали слезы, а бутылка в ответ лишь издевательски буль-

кала. Вдруг он взревел, вцепился в крышку зубами и, кряхтя от боли и усилия, медленно-медленно открутил ее. На губах у него показалась кровь. Мы облили жидкостью грудь наваленных веток, шин, досок, деревянных поддонов, бумажек и сена. Казалось, она жаждала вспыхнуть сама по себе.

Мы начинали с малого. Жгли траву, тетрадки, комиксы, фотографии, вынутые из рамок. Плавил солдатиков, гильзы, коробки от молока, пластиковые бутылки, кайфуя от того, как они пузырятся и расплываются по земле. Постепенно кожа на руках иссушилась и загубела, и мы решили пойти дальше. Подпалили хвост соседскому кошаку, пустили на угольки дикий вересковый кустарник. Бросили спичку в мусорку на трейлерной стоянке около Кила и, сжимая от волнения ладошки между коленей, глядели, как из трейлера выбежал пацан и начал лихорадочно искать шланг. Однажды мы поймали около пустыря Брендана Хейра. Терри навалился на него, а я, со страстью мастера, прикусив от наслаждения язык, принялся жечь ему брови и волоски на руках. Хейр, который был на два года младше нас, забился в истерике и стал звать маму. Не помогло. Было для нас в пламени что-то животворящее. И мы с неутолимой жаждой благоговели над каждой спичкой, каждым щелчком зажигалки, в ис-

ступлении пытались высмотреть потаенную силу каждой вспышки.

Чтобы сложить Костер, пришлось прочесть Остров вдоль и поперек. Мы отламывали ветки с деревьев и изгородей, вырывали пучки сена из стогов и запихивали все это в пластиковые пакеты. Сбивали до крови колени, таская доски и поддоны с новой пристройки доктора Гаффни. А однажды ночью даже пробрались в гараж Фланнери, откуда, порядком измаявшись, стащили три шины и моток резинового шнура.

Блуждая по Острову, я заметил на краю леса Пайн-Нидл старый сарай. Пол был усыпан мусором и мятыми баллончиками от краски и средств от сорняков. Тут и там сновали глянцевые спинки мокриц, а местами в щелях между досками пробивался мохнатый чертополох. Мы решили, что это бывший сарай лесничего. Терри объявил его нашей базой, существование которой мы поклялись головами, кровью, жизнью – чем угодно – держать в наистрожайшей тайне. Расчистив сарай, мы сложили туда, кусок за куском, все материалы для Костра, что успели собрать. После этого нашими поисками руководил чуть ли не первобытный инстинкт. Если один из нас был занят, другой рыскал по Острову и хватал все, что горит. И к концу лета, когда дни стали короче, а ветер неистовее, мы вынесли Костер на пустырь. Терри потащил все тяжелое: шины и доски, мне же перепало нести гнилые куски дерева, охапки

сена и кипы бесхозных газет с заднего двора дома Суини.

Пустырь лежал между нашими домами. Пустырь как пустырь: плешивый ковер из пожухлой травы, редкий лютик и клевер. Оттуда можно было видеть крыши Кила, городскую школу, клочок моря на горизонте и алую громадину моста. Вдалеке деловито жужжали машины, пронесившиеся вдоль Глона. Именно там мы все время и обитали. Расставляли капканы для волков, которые наверняка за нами охотились, вытачивали из черенков метел шпаги. Воображали, будто мы рестлеры, и отрабатывали свои коронные приемы. У меня это были «Стальные тиски», а у Терри – «Бросок в преисподнюю». Еще соорудили лачугу, прислонив жестяной лист к куску забора из колючей проволоки. Там мы пережидали частые дожди. Сидя на банках от краски со скрещенными руками, наблюдали, как вода выводит из строя наш мир, иногда отвлекаясь, чтобы стряхнуть с себя насекомых. За все лето нам попалась только одна зверюшка, да и то не в капкан – просто под ноги. То был заяц, дрожащий из последних сил. Терри приволок его в лачугу за задние ноги, будто мусорный мешок, а я взял заточенный камень и вспорол живот уже издохшему зайцу. Понятия не имею, что мы хотели увидеть и какого черта нам вообще пришла в голову эта судмедэкспертиза. Но помню, как меня заворожил жирный блеск мышц и жуткий вид черноватой кро-

ви, совсем не похожей на кровь. Помню, как мы ковырялись у зайца в кишках, вьющихся под нашими пальцами, как червяки, дергали его за тонкие, бархатные ушки, пока те не порвались. Помню, с каким ужасом смотрели на нас его остекленевшие коричневые глаза и как я вздрогнул, когда мне привиделось, что заяц моргнул. После вскрытия мы сожгли тушку и закопали обугленные кости посреди пустыря, аккуратно соорудив на месте погребения курган из гальки.

Я узнал про Костры от своего старшего брата Марка. Он хвастал, что когда-то разжигал с друзьями такие Костры, что доставали прямо до небес. Научил меня, как делать это правильно, и я судорожно записывал каждое слово, как будто пламя, которым мы с Терри так искусно овладели, стало невозможным без этого строгого порядка действий. Следующим утром, пока мы искали материалы, я изложил слова брата Терри. Он слушал, кивая, как сломанный метроном, а потом сказал, что тоже хочет, чтобы прямо до небес.

А еще я узнал от брата слово «чмошник». Как-то раз Терри зашел в гости, и мы играли в приставку, пока небо изрыгало ливень. Проводив его, я вернулся к себе, и тут брат резко отпихнул меня в сторону. «Что, с чмошниками всякими теперь водишься? – стал подначивать он. – Нормальных друзей найти не получилось?» Я покраснел от стыда, но притворился, будто не услышал его. Он не унимался: «А что бы сказала мамка, если

бы узнала, что ее сынулька повелся с чмошником? Знаешь, если так подумать... – Марк усмехнулся. – А не у него ли ты вшей подхватил?» Мы с братом не дрались почти месяц, так что он никак не ждал от меня ответа. Мои первые тычки лишь забавляли его, но, когда я смачно всадил ему по шарам, ему было уже не до смеха. В ярости он отвесил мне пару оплеух и, повалив на пол, придавил меня коленом. Вывернул руку так, что в глазах зарябило от боли. Не в силах терпеть, я вскрикнул, и Марк наконец отпустил меня. «Сопля... – прохрипел он. – И дружок твой – чмошник. Грязный чмошник». Я не понимал, что значит это слово, но слышать его было невыносимо. Как будто «чмошник» это что-то плохое, вроде «сука» или «тварь». Слово казалось мне ядовитым – настолько, насколько сочетание звуков вообще может быть ядовитым. В комнату вбежал отец и оттянул Марка от меня. Я потирал свой локоть и жаловался ему на брата, на то, как именно он обозвал моего друга. Отец, стоя между нами, внимательно выслушал и повторил мои слова. Положив руку мне на плечо, сказал: «Ну, ты это, следи все-таки, с кем гуляешь. Но такие слова, конечно, в нашем доме недопустимы. Драки тоже». Брат что-то буркнул себе под нос, и отец рывкнул: «Рот свой закрой!» Марк поплелся из комнаты, хлопнув дверью, а отец – за ним, оставляя меня наедине с ядовитым словом, больно звенящим в моей голове.

На следующий день я назвал Терри чмошником. Копаясь с ним в мусорке, я вдруг, будто меня кто-то ущипнул, вспомнил про его дырявые носки, про то, с каким изумлением он смотрел на приставку, как на какую-нибудь диковинку, вспомнил слово, и оно вырвалось словно против воли. На секунду Терри остолбенел, затем аккуратно вытер руки о шорты и резко вмазал мне по лицу. Я свалился на землю, Терри насел на меня, схватил за руку и стал колотить по ней, пока я не попросил пощады. Но он лишь чуть наклонил голову вбок и процедил сквозь зубы: «Чтоб больше никогда меня так не называл, понял?» Я, глотая воздух, пообещал, что больше не буду, но слово так и рвалось наружу. Он снова замахнулся на меня, я невольно съехался, и лишь тогда он слез. С тех пор слово, как паразит, жило в моей голове. Пока мы с Терри собирали материалы, я нашептывал слово у него за спиной, а по ночам мне снилось, как я кричу его на весь свет. Чмошник! Грязный чмошник! Внезапно я осознал, кто он такой на самом деле, осознал, что я выше его. Больше я тем летом его в гости не звал. Однажды он как бы между делом спросил, когда мы опять пойдем ко мне играть в приставку и добьем того чудика с автоматом, похожего на крысу. Я ответил ему без тени стыда: «А тебе ко мне нельзя, ты в курсе?» Терри долго глядел на меня, но возразить так и не решился.

Познакомился я с ним, когда мы с матерью жили в доме тетки Джоан на окраине

Вэлли. Участок, врезавшийся в доживающее последние дни футбольное поле, мы делили с еще шестью убогими домишками. Мать постоянно извинялась перед всеми за то, что мы жили у тетки, как нахлебники, что в доме вечно бардак. В день нашей встречи я коротал время, пиная мяч в стену перед домом. Стена была двухметровая, покрытая крошкой из зеленоватых камешков. Я представлял себе, что это изумруды. Мимо прошел Терри и на обратном пути уселся на тротуаре напротив, подпирая голову кулаками. Он что-то сказал, но я не отреагировал. Сколько бы я ни лупил по чертову мячу, мне так и не удалось сбить ни одного изумрудика. Разозлившись на весь мир за то, что он устроен не так, как угодно мне, я извергнул на стену все ругательства, которые только смог вспомнить, и Терри, наконец, осмелился спросить: «Чё делаешь?» Я ответил, даже не посмотрев в его сторону: «Сам как думаешь?» Терри, подумав, произнес: «Ломаешь стену». Я промолчал, и тогда Терри встал и повторил чуть громче: «Ты ломаешь стену». Он куда-то исчез и вернулся через пару минут с гигантским камнем в руках. Произнес: «Вот как надо» – и швырнул его в стену. Та с грохотом треснула, поднялся столб пыли, посыпалась, нежно постукивая по асфальту, изумрудная крошка. Раззадорившись, мы раздобыли еще камней и, не произнося ни слова, начали бомбить крошку. А потом на крыльце появилась мать, выставляя напоказ свою лысину, которая изда-

лека походила на шапочку для бассейна. От ее убогого вида мне стало стыдно, и я побрел домой, бросив новому знакомому короткое: «До завтра». В ответ за спиной послышалось: «Давай».

В мае мать положили в больницу, и мне пришлось переехать обратно к отцу с братом. Почти сразу мы с Терри забыли обо всем, чем занимались раньше, и отправились в поисках приключений по утопшим в грязи тропинкам между нашими домами. Иногда пустырь и огонь наскучивали нам, и мы бродили по топям, прощупывая босыми ногами густо булькающий ил. А в самую жару плескались в придорожных канавах, даже не обращая внимания на слепней, колючий дрок и вонь сточных вод. Общались односложно: «Вон там», «Не знаю», «Ладно». Наше существование сводилось к погоне за чем-то выдуманым или реальным, и мы наслаждались свободой, пока нас не разгоняла темнота.

Отец работал в банке Уэстпорта. В середине июня он, видимо, решил, что самая социально приемлемая форма скорби – это пахать до изнеможения. Вставал спозаранку, нацеплял свой вечно мятый серый костюм, в восемь утра уходил и в девять вечера возвращался с всклокоченными волосами. Доставал пакет с фаст-фудом, воняющим уксусом, или готовил в духовке рыбные полуфабрикаты, и мы садились ужинать. За столом болтали в основном про футбол, домашние

дела, а иногда перекидывались парой слов о том, как прошел наш день, будто играли в сверхскупную настольную игру. Временами он ворчал, что я измазал одежду или что у меня грязные руки. Упоминал мать, которая, наверное, должна была служить мне жизненным ориентиром. Просил меня беречь себя, хотя бы ради нее, и мне оставалось лишь молча кивать. Забавно. Как будто он забыл, как часто они с ней собачились или как она, надрывая глотку, орала на нас с Марком. По выходным отец выдраивал и пылесосил дом, будто он весь кишел вшами, и мягкими упреками пытался добиться моей помощи. Корчась на коленях, мыл желтой тряпкой полы, чистил камин в гостиной какой-то химией, которая выедала глаза, оттирал копоть с кочерги и каминной решетки, снимал с каминной полки фотографии и аккуратно клал их на ковер. Одна из них – с моего причастия, на другой были мать и мы с братом, на третьей – я, брат и наш домашний попугай, а еще одна со свадьбы родителей. Отец каждый раз старался, чтобы рамки были вылизаны до блеска.

Так как жидкость стащил из-под соседского гриля именно Терри, право зажечь Костер досталось ему. Но я не был против: мы оба из кожи вон лезли, собирая его, и нам не терпелось увидеть, как он восплает. Услышать нашу лебединую песню. Терри вынул из кармана спички. Первая вспыхнула, но, лишь Терри пригнулся, погасла, вторая не зажглась

вовсе. Я пытался казаться хладнокровным, но внутри был как на иголках. В голове проносились противные мысли: а вдруг у нас не получится, а вдруг закончатся спички, а вдруг поднимется ветер. Но тут ослепительно сверкнула третья. Прикрывая спичку рукой, Терри поднес ее к торчащему из Костра уголку картона, повернулся ко мне и заулыбался во весь рот, демонстрируя сквозь дырку в зубах слюнявый язык.

Когда мать забрали в больницу, отец сказал мне, что у нее лейкемия. Из нецензурного объяснения брата я понял, что это рак крови. Мы с отцом приезжали навещать ее по средам и пятницам. На ее голове была незнакомая мне повязка в крапинку, и лежала она в палате одна, сторбившись на неудобной металлической кровати. Брови выпали, кожа на лице сморщилась и выцвела, как забытый в кармане мятый фантик, а улыбка напоминала едва затянувшийся глубокий шрам. От одного ее вида меня сковывал страх, настолько, что мне не хотелось даже к ней прикасаться. И каждый раз, заходя в палату, я махал ей рукой и до самого ухода забивался в угол. После первого визита отец всю дорогу домой рассыпался в обещаниях. Дал слово подарить мне гигантский аквариум, который я так и не получил на Рождество, и красивый перочинный ножик, который мать не разрешила купить, а еще поклялся каким-то образом сделать мою комнату больше. Остановившись на крас-

ный, он оглянулся на меня, но я продолжал пялиться в окно. Когда мы наконец доехали, отец ласково сказал: «Все будет хорошо, сынок. Мама скоро поправится. Да и вообще, знаешь, иногда поплакать – оно полезно». Я взглянул в его опухшие, мокрые глаза и понял, чего он ждет: что я разревусь, что буду страдать вместе с ним и рыдать, рыдать, рыдать. Но я решил: не дождется. Отстегнув ремень, я поспешил в свою комнату. Захлопнув дверь, бросился на колени и стал молиться всем богам на свете, чтобы завтра ее больше не было. Нет, я не хотел, чтобы мама умерла, скорее, чтобы она просто исчезла из моей жизни, как исчез Санта Клаус, когда раскрылась вся правда о нем. Рассказав Терри про мать, я узнал, что у его собаки тоже был рак, и ее пришлось усыпить.

Дрожа от возбуждения, мы отошли от Костра. Однако не происходило ровным счетом ничего. Я с досадой пнул Терри, крикнув: «Ты как его зажег, идиот?» Терри присел на корточки, жестом указывая мне сделать то же. Так ничего и не увидев, я хотел было пнуть Терри еще раз, но он показал на оранжевый огонек, мечущийся, будто одинокий светлячок, в глубине Костра. Воскликнул: «Все выливай!» – и мы опрокинули то, что осталось в бутылке, прямо на огонек. А потом пламя разгорелось и, будто тонкими, костлявыми пальцами, стало взбираться все выше, а мы, привстав, следили глазами за окутывающим пустырь темным удушливым дымом.

Пока мы отдыхали в сарае после наших поисков, Терри завел рассказ о своей собаке по кличке Сэм, которая заболела раком в семь лет. Уставившись в пол, он признавался, как сильно любил собаку, как сильно привязался к ней. А я не произносил ни слова. До этого я никогда не слышал от Терри ничего подобного, я считал, что Терри не способен кого-то любить и даже не понимал, в отличие от меня, каково это вообще – любить. В конце концов, он же ниже меня, он же чмошник. Что с чмошника взять? Я подобрал палку и стал водить ею по доскам, краем уха слушая о том, как Сэм начал спать целыми днями, как его постоянно рвало, как он совсем перестал вилять хвостом. А Сэм всегда вилял хвостом, даже когда был уставшим или когда его ругали. Терри умолк и взглянул на меня. Я же не смог и головы повернуть в его сторону, лишь стал перекидывать палку из одной руки в другую. Он продолжил: наступил день, когда пса нужно было усыплять. Терри поехал к ветеринару вместе с отцом, хотя тот его отговаривал. В холодном кабинете ветеринара Сэма положили на железный стол. Терри снова умолк, подавляя всхлипы. Я даже не шелохнулся, не попытался его успокоить, лишь отрешенно сидел, жуя щеки. Все-таки не такие мы и разные. Тогда мне ничего не хотелось так сильно, как услышать голос, который позовет меня, уведет подальше от этой боли. Терри вытер нос и сказал, что его последнее воспоминание о Сэме – это то, как

он слышал, выходя из кабинета, стук бьющегося о стол собачьего хвоста.

Я не мог отвести слезящихся глаз от гулко трещащей стены огня и черного, как смола, дыма перед собой. Костер, жадно вылизывая воздух вокруг, ширился и оттеснял нас назад. Разваливались поддоны, растекались шины, пулями пролетали мимо искры. Мы понимали, что огонь нам уже неподвластен, что он обрел свою волю, и воля его – нас достать. Но у меня не стучали зубы, я даже не думал убежать, не шелохнулся. Лишь сплюнул привкус гари.

После ее смерти я неделями изображал дурачка. Будил по ночам отца, чтобы он охранял меня от призраков своей голой задницей, пока я схожу в туалет. Невинно спрашивал: «А где мама?» Как будто она просто ушла за продуктами. За столом я из раза в раз уговаривал его рассказать мне, что такое рай. Однажды после ужина Марк схватил меня за руку и с пугающей гримасой шепнул: «Матери больше нет. Нет». И все. Шутки ради я, было, спросил Терри: «Где она теперь?» – и он, вертя пальцем, указал куда-то вверх. «Вместе с Сэмом, где-то там, на небесах». Хоть от его слов мне и стало спокойнее, я лишь заржал ему в лицо. «Повзрослей уже, Терри, – выпалил я, – она умерла. Кормит червей». И повторил: «Повзрослей уже, грязный чмошник». После этого мы долго молчали, и, в конце концов, я придумал какую-то отмазку, коротко попрощался с Терри и слинял домой. «До завтра», – сказал мне Терри.

На фоне алых когтей пламени наша кожа казалась белой, как мел. На ней вырисовывались свежие струпья, будто слезающая с дерева краска. Вокруг рассыпалась выжженная трава и кустики орляка. Терри зашелся в надрывном кашле, его глаза покраснели, на лбу затанцевали красные точки ожогов.

На похоронах я сосредоточился на гробе, в который положили мать. Отец сжимал мое плечо, тетка поглаживала колено, другие гости с жалостью протягивали ко мне руки. Однако все это не могло отвлечь меня от вида деревянного ящика. В конце концов мне надоело, я вышел подышать свежим воздухом и, заметив зал игровых автоматов, направился туда. Затем пришел брат, и я поехал на его плечах к ближайшему фургону с едой. По пути туда мы пели песни, которые нам когда-то напевала мама. Я попросил купить мне бургер, надеясь, что он помнит, что я люблю лук и кетчуп. Но, когда мне дали бургер, битком набитый и тем, и другим, я смолчал. С полным ртом я слушал истории Марка про маму и про детство: как мы ездили на представление в дельфинарий в Керри, как однажды я заплакал от вида цирковых клоунов, как она купила нам костюмы Бэтмена и Робина на Хэллоуин. Все это, конечно, фантазии, прямо как наши с Терри игры. Закончив есть, мы выкинули бумажки в урну, и Марк сказал мне, что

я молодец. Наверное, надо было сказать ему то же самое.

Пламя раздулось, добралось до изгородей и заборов, выползло за пределы пустыря. Я представил, как оно заглатывает овец на пастбищах, как они истошно блеют от боли, как мутнеют их страшные глаза. Вокруг порхали и лопались угольки, спина покрылась потом. Сзади меня окликнул Терри. Я приблизился к костру, навстречу бушующему жару. Пузыри ожогов лопнули, обнажая блестящую, будто от лака, плоть. Огонь был так близко, что я мог разглядеть внутри него пятна сажи и красные угольки, а уши заполнило стрекотание искр.

Во время похорон Терри сидел поодаль от всех. Он был в джемпере и бежевых штанах, которые обычно носил на причастие. Видимо, мое присутствие волновало его одного: из всех гостей только он махнул мне рукой. Но я прикинулся, что не заметил его, позволяя тетке увести меня за руку в толпу.

Костер, обезумевший от моей близости, уже протягивал лапы к груди. А я, ни секунды не сомневаясь, сунул правую руку в огонь. Он тут же хищно вцепился в нее зубами, прогрызая кожу, кромсая нервы, глодая кость. Я завопил от боли. Сверкание огня колело глаза, сознание стало подводить меня, и тут Терри схватил меня, оттянул от костра, и мы оба упали на землю. Он в ужасе тряс и звал меня, пытаюсь приве-

сти в чувство, с его лба ручьями лился пот. Обожженная рука уже казалась не своей, с нее слезала съезжившаяся кожа, под ней – липкое, мягкое, розоватое мясо. Пахло жареным. Мой голос сел до едва слышного хрипа. Терри еще раз выкрикнул мое имя и, шатаясь, поднялся на ноги и пустился бежать. Я побежал за ним.

Разгечь Костер было решено в последний день каникул, и накануне мы с Терри прошлись по запасам, задыхаясь от запаха гнили. Выносить закончили ближе к вечеру, и уже успело похолодать. Пока мы, стоя около велосипедов, приставленных к железным воротам, собирались разъехаться по домам, мне подумалось, что я должен сказать Терри что-нибудь. Например, что он мой лучший друг. Или «спасибо», хотя я даже не понимал за что. Но как я ни подбираю слова, их никак не получалось выдавить наружу, так что я просто уставился на него с пустым выражением лица. Терри вынул руки из карманов и отвел их за спину, слегка покачиваясь с пятки на носок. Затем без единого слова запрыгнул на велик и укатил, а я остался один среди молчаливых силуэтов Острова, чья сумеречная темнота отзывалась шепотом велосипедных колес.

За нами высился рычащий Костер. Мы бежали, что было мочи, едва касаясь ногами влажной травы. Машинально перескочили водосточную трубу и невысокий

забор. Наконец, обжигая ноги о холодный асфальт, добрались до Саунд-Роуд, и я смог вдохнуть полной грудью чистый, вкусный воздух. Откуда-то донесся звук сирены. Мы помчались ко мне.

Ночью после похорон я застал в туалете рыдающего отца в одной лишь белой рубашке и трусах. Ноги у него были жутко волосатые, как липучки. Я безмолвно застыл в проходе, и спустя пару минут он наконец встал и принялся мыть руки. Взяв полотенце, произнес: «Шоу должно продолжаться, сынок».

Брат сидел на крыльце с телефоном у уха. Отец, выскочив на порог, крикнул ему: «Видел, какой пожар?» Мы быстро промчались в мою комнату. Я распахнул окно, взобрался на подоконник и, подгоняемый Терри, балансируя в проеме, схватился за водосточную трубу. Терри посадил меня на крышу, а затем вскарабкался сам.

С крыши все было как на ладони: иглы телеантенн, голые холмы, топи, рассыпанные по округе дома. Костер плевался тяжелым, едким дымом, устало оседал пепел, за горизонтом засуетились полицейские мигалки. Терри взял меня за здоровую руку, и так мы провели всю ночь, остывая, отогревая телами заиндевелую черепицу. Фигуры с лопатами засыпали землей дымящиеся канавы, в наш Костер впились толстые струи воды, в последний раз он попытался схватиться за небеса, а потом

провалился в собственную тень. Уже светало, и сонное солнце нехотя бросало лучи на выжженный пустырь и дотлевающие искры. Здоровой рукой я почувствовал, как

задрожала рука Терри, обгоревшая отозвалась резкой болью. Вместе мы смотрели, как умирает Костер.

Для цитирования: Кисляк, Д. «Костер» Джона Патрика Макхью: травма взросления // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. Т. 7. № 1. С. 112–125. DOI: 10.18522/2415-8852-2022-1-112-125

For citation: Kisliak, D. (2022). “Bonfire” by John Patrick McHugh: the trauma of growing up. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 7 (1), 112–125 (In Russ.). DOI: 10.18522/2415-8852-2022-1-112-125

“BONFIRE” BY JOHN PATRICK MCHUGH: THE TRAUMA OF GROWING UP

Danila Kisliak, BA student of Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus; e-mail: ermant7799@gmail.com

Abstract. The journal section offers a translation into Russian of the story “Bonfire” from the debut collection of short stories by the contemporary Irish writer John Patrick McHugh “Pure Gold” (2021), made within the framework of the fourth international ART & CRAFT OF TRANSLATION competition (2022). The introductory note provides a brief summary of the author’s work and the key thematic issues of his stories. Winner of the literary award for the best work in the genre of short story, McHugh is recognized by critics as one of the most notable young authors of Irish literature. It is noted that the writer uses experimental artistic forms to express the complex experience of a teenager’s encounter with death and growing up.

Key words. John Patrick McHugh, “Pure Gold”, contemporary Irish literature, short story, the trauma of growing up, translation

